

Нина БЕРБЕРОВА

КОНЕЦ ТУРГЕНЕВСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

Ленинград, правда, - 1989. - 28 стр.

— Прощайте, друзья! — сказал Пушкин и в это время глаза его обратились на его библиотеку.

Письмо Жуковского о смерти Пушкина

В ВОСПОМИНАНИЯХ И. Г. Эренбурга «Люди, годы, жизнь» говорится, что одно из мест в Париже, где он просиживал часами, была Тургеневская библиотека. Вот что он пишет о ней:

«Книги я брал в Тургеневской библиотеке. Ее судьба драматична. В 1875 году в Париже состоялась литературно-музыкальное утро с участием Тургенева, Глеба Успенского, Полины Виардо, поэта Курюкина. И. С. Тургенев, распространяя билеты, указывал: «Вырученные деньги будут употреблены на основание русской читальни для недостаточных студентов». Писатель пожертвовал библиотеке книги, некоторые со своими пометками на полях. Два поколения революционной эмиграции пользовались книгами «тургеневки» и обогащали ее библиографическими редкостями. После обвалюции библиотека продолжала существовать, только читатели изменились. В начале второй мировой войны русские писатели-эмигранты передали свой архив на хранение Тургеневской библиотеке. Один из ближайших сподвижников Гитлера, балтийский немец Розенберг, который считался ценителем «россики», вывез Тургеневскую библиотеку в Германию. В 1945 году, перед самым концом войны, знакомый офицер принес мне мое письмо, посланное в 1913 году М. О. Цетлину (поэтесса Амар). Офицер рассказал, что на одной немецкой станции он видел распотрошенные ящики: русские книги, рукописи, письма валялись на земле; он подобрал несколько писем Горького и, случайно заметив на истлевшем листке мою подпись, решил доставить мне удовольствие. Таков конец Тургеневской библиотеки».

Прочитав эти строки, мне показалось, что я могла бы дополнить этот рассказ о гибели русского книгохранилища в Па-

риже, тем более что я была свидетелем вывоза книг из старого особняка на улице Бишелери, который незадолго перед тем город Париж предоставил русской библиотеке. В этом «котле Кольбер» расположилась «тургеневка» как бы «на вечные времена». Никто не мог предвидеть ее страшного конца.

Немцы заняли Париж 14 июня 1940 года. В начале августа я приехала в Париж на велосипеде из деревни, где у меня в то время был маленький деревенский дом. Других способов передвижения в те месяцы не было. Я выехала очень рано и была в городе около одиннадцати часов утра. По моим записям видно, что я в тот день была в Тургеневской библиотеке и взяла том Шопенгауэра (в русском переводе), видела хроникальный фильм на Елисейских полях (где было представлено, как Гитлер обзирал Париж с высоты площади, выходящей на Марсово поле и Эйфелеву башню), затем ночевала у друзей в Булони. Через месяц я снова приехала в Париж и на этот раз зашла к И. И. Фондаминскому, вернувшемуся из Бизрицы и жившему у себя на квартире, на авеню де Версай.

Он по-прежнему занимал свой кабинет, темный и сыроватый, весь уставленный книгами. В течение августа ко мне в деревню было привезено довольно много ценных вещей людьми, желавшими скрыть свое имущество. Главным образом это были картины. Визу, в так называемой гостини, где непрерывно жили проезжавшие в «свободную зону» близкие друзья и где иногда спали два-три человека, стояли на полках, смешанные с моими скромными книгами, «Русские портреты» вел. кн. Николая Михайловича, первое издание комедий Мольера и другие ценнейшие книги. У меня была мысль предложить И. И. Фондаминскому перевезти ко мне наиболее ценные книги, чтобы их сохранили столько же от бомбардировок, сколько и от обысков, которые вот-вот могли начаться.

Он начал с того, что высме-

ял меня за «панику» и сказал, что бомбардировок он не боится, так как кабинет его в полуподвале (в этом, вероятно, он был совершенно прав), а что касается обысков, то ему они не страшны, так как у него есть теперь защитник — молодой немец, книголюб и ценитель русских изданий, который ходит к нему часто по вечерам и с которым он беседует на самые различные темы. Немец этот (насколько я помню, это был штатский человек) заходит как свой, иногда и днем, он покупает у букинистов старые русские книги, у него громадная коллекция, и Фондаминский уверил меня, что он спокоен не только за свои книги, но и за самого себя. Делать было нечего. Я с грустью оглядела полки, на которых стояло столько прекрасных книг, и собралась было уйти, как раздался стук в дверь, и в комнату вошел молодой человек, светловолосый, в очках, с улыбкой на довольно приятном лице. Это и был новый знакомый Фондаминского. «Мы сегодня решили сходить в Тургеневскую библиотеку», — сказал мне Фондаминский, знакомя нас, — я хочу показать, какие у нас там есть замечательные книги. Я вышла с тяжелым чувством.

КОГДА через несколько времени я снова приехала в Париж, начиналась уже осень. Так как мне предстояло побывать в Париже весь день, то я решила первым делом завести в «тургеневку» том Шопенгауэра, оставить его там (библиотека открывалась в четыре часа пополудни) у консержки, а затем уже сделать все, что нужно, в различных концах города: повидать кого нужно, купить кое-что и вернуться в библиотеку к ее открытию: «Отель Кольбер» находится в маленькой улочке около моста Нотр Дам. Не было еще и десяти часов, когда я вошла в ворота. Весь двор был заставлен длинными ящиками некрашеного дерева, похожими на гробы. Они лежали и стояли стоймя, их было около тридцати, а может быть, и больше. Они казались пустыми. Я постучала в окошечко консь-

ержки. Она посмотрела на меня хмуро и сказала:

— Они там.

Я бросилась наверх. Двери были настежь. Два ящика стояли на площадке лестницы, два других — в прихожей. Шла быстрая, энергичная, ритмичная укладка книг.

Я помню, что я растерялась настолько, что стала спрашивать на плохом немецком языке, что собственно происходит, хотя сомнений не могло быть никаких. Мне ответили вежливо, что книги увозят. Куда? Почему? На это ответа не было, но в переднюю вдруг вышел человек — это был молодой коллекционер русских изданий. Он узнал меня, улыбнулся и спросил: не может ли он чем-нибудь быть мне полезен? У меня, вероятно, на лице была написана часть того, что переживалось. Он опять подошел ко мне. Мне показалось, что он хочет взять у меня из рук Шопенгауэра.

Но он совсем не интересовался книгой, которую я держала подмышкой, наоборот, он очень любезно и с каким-то даже соблазном спросил меня, нет ли в библиотеке каких-либо моих книг, и, если есть, то он мне сейчас же их выдаст... В том состоянии, в котором я была, я совершенно не поняла его вопроса: хотел ли он, зная, что я пишу книги, выдать мне те, которых я была автором? Или он думал, может быть, что есть в библиотеке книги, мне принадлежащие? Я повернулась и пошла к дверям. И только внизу вспомнила, что ведь действительно в библиотеке есть книга, мне принадлежащая: вместо залога (от бедности) я в свое время дала библиотеке «Поэзию Армении», толстый том под редакцией Брюсова, который и лежал где-то в задних комнатах, на случай, если я потеряю библиотечную книгу. Лежал он в библиотеке той крайней мере лет десять, если не больше. Но за «Поэзией Армении» я не вернулась.

Молодой коллекционер, конечно, задолго до прихода к Фондаминскому имел свой план действий. И знал хорошо о существовании русского кни-

гохранилища в Париже. Но к Фондаминскому в то утро мне идти не захотелось, мне показалось, что нужно попытаться сделать что-то... но что? Я сомневалась всего одну минуту. В следующую я уже спешила на Монпарнас, к В. А. Маклакову.

Со времени войны у Маклакова я бывала часто, он любил, когда к нему приходили, настроение у него было угнетенное, глухота все увеличивалась. Когда звонил телефон или звонок у парадной двери, в кабинете зажигались под толчком лампочки. Он принял меня в теплом бархатном пиджаке, удивившись и обрадовавшись моему приходу в столь странный час.

КОГДА я рассказала ему, откуда я, он думал несколько мгновений и затем взглянул на меня. И в эту секунду одна и та же мысль прошла в его мозгу и в моем, как это иногда бывает (и даже довольно часто). Мы оба подумали об одном.

— Я знаю, куда надо пойти, — сказал он, — и вы тоже это знаете.

Я молча кивнула головой.

— Надо предупредить советское посольство, ведь они с Германией в союзе. Они могут, вступить. Если, конечно, добьются до настоящего человека и сумеют объяснить. Они останутся!

Через минуту он уже звонил председателю правления Тургеневской библиотеки Д. М. Одицу, историку и сотруднику газеты П. Н. Миллюкову «Последние новости». А через полчаса Одинец был уже с нами.

Одинец был совершенно согласен, что единственное, что еще можно сделать, это пойти в советское посольство на улицу Гренель и попросить вмешаться. «Кто поедет?» — спросила я. «Надо мне идти», — ответил Одинец. Мы наскоро закусили, и он ушел.

Мы ждали долго. Маклаков стал нервничать, ходить из комнаты в комнату; я сидела у него в кабинете и старалась занять свои мысли чем-нибудь. Помню, я читала какой-то старый адрес-календарь членов

Государственной Думы. Краткие сведения, год рождения, от кого выбран...

Одинец вернулся часа через два. Его рассказ я тогда же записала. Его ввели в одну комнату, затем в другую. Он сказал, что хочет видеть первого секретаря, или заместителя посла, или, если можно, самого посла. Сначала он говорил с одним человеком, потом с другим, потом с третьим. Кто они были, осталось ему неизвестным. Он несколько раз объяснял, зачем пришел: вступить за русскую библиотеку; Тургенев основал; Тургенев — «Отцы и дети», «Рудин», — когда в Париже жил... На лицах не отражалось ничего. Это надо сделать скоро, иначе все книги уйдут... Чо слушавшие его люди только плечами пожимали: при чем тут мы? Эмигрантские дела! Нас совершенно это не касалось. «И вдруг, — сказал Одинец, — словно меня осенило, и я сказал им: в этой библиотеке Ленин работал, там есть книги с его пометками, там есть книги, которые он оставил в библиотеке, там даже есть стул, на котором он сидел (у меня, сказал Одинец, работало воображение, как никогда в жизни)». И вдруг люди забегали, засуетились, позвали еще троих, заставили повторить слова о Ленине.

— Провожая меня, — закончил Одинец, — они провели меня через совсем другие двери. И они все отпирали их и запирали их. И, представьте себе, мне показалось, что один из них даже обещал, что они что-то такое предпримут, хотя, конечно, мало это вероятно. А наверное, одного телефонного звонка было достаточно!..

В ту ночь я опять ночевала у друзей в Булони, и когда на следующий день я пришла к «котелю Кольбер», все было кончено. Гробы были увезены, двери запорты, наложены печати. Самое крупное русское книгохранилище вне России перестало существовать.

Фондаминского я больше никогда не видела. Шопенгауэр остался у меня.